

Черепаха Золотая

ИРИНА ШУХАЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Шухаева
Черпаха Золотая

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Шухаева И. П.

Черепаша Золотая / И. П. Шухаева — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Роман Ирины Шухаевой "Черепаша золотая" открывает трилогию о жизни нашей современницы, которая пытается выбраться из клетки негативного родового сценария. В клетке ее держит родовое обесценивание. В их семье из поколения в поколение матери обесценивают жизни дочерей: изгоняют их мужчин, препятствуют карьере и самореализации. Героине предстоит пройти множество трудностей, чтобы очистить судьбу от навязанных испытаний и построить свою счастливую жизнь, отделиться от матери и найти свой путь. Сможет ли главная героиня разорвать этот круг и выйти из-под влияния матери? Отпустить вовремя дочь, не повторять мамино поведение? Как сложатся ее отношения с дочерью – по семейному сценарию, или по-новому? Содержит нецензурную брань.

© Шухаева И. П., 2008

© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ МЕЖДУ ДВЕРЯМИ

Глава 1

О, моя дорогая, моя несравненная леди,
Ледокол мой буксует в снегах, выбиваясь из сил.
Золотая подруга моя из созвездия «Лебедь»
Не забудь, упади, обнадежь, догадайся, спаси...
Юрий Визбор

Затаив дыхание, Соня смотрела как черная лохматая грозовая туча выжимала свои растрепанные космы на притихшее золото берез. Осень пожелтелая выдалась в этом году рано, в начале сентября все уже заполыхало. Потом стояла непривычно теплая погода и вот, похоже, начинались дожди.

Грозовую тучу то и дело раздирали солнечные лучи, пробивалось голубое небо, но туча упорно огрызалась, грохотала, сверкала и лила мощный дождь.

Мгновенно заполнился таз на крыльце и расставленные по водосливу ведра. Туча выдохнула холодного воздуха и сырости, Соня поежилась, стоя босиком на крыльце. Вошла на террасу и закрыла дверь. Резиновые галоши никак не находились, любая другая обувь моментально промокнет. «Куда же они запропалились? – начинала она сердиться». На улице резко стало тихо, только слышно было, как бьется в крышу запоздалый шершень и отчаянно гудит. Но он был уже полусонный, осенний, короче – не страшный, хотя все виды жужжащих насекомых с детства были врагами Сони...

Словно повинувшись какому-то зову, Соня вернулась на мокрое крыльцо. Ступни ожгло холодной влагой. Туча, словно ждала именно ее, извергла новое рычание, рассклалась молнией, резко подул ветер, с новой силой полил дождь. Солнечные лучи пробивались возле самого крыльца, Соня ступила на мокрую траву и протянула руку к лучу. Стало странно тепло.

– Мам, с ума сошла, – на пороге ежилась сонная Настя, – итак все время мерзнешь, зябнешь, теперь еще и под дождем стоишь? Давно не болела? Иди, бабушка звонит...

Соня очнулась и побежала в дом. Ступни горели, дыхание сводило... Будто что-то случилось. На мамины вопросы Соня отвечала невпопад, слова доходили до нее через невидимую дымку, и она привычно бубнила: угу, сделаю, угу, помню, угу, поняла... Список поручений явно превышал ее возможности: они приехали только на выходные, Насте она обещала не приставать с хозяйственными делами, а теперь еще пошел дождь и все мокрое-мокрое.

Соня попрощалась с мамой до вечера, до очередного отчета о проделанной работе и неожиданно почувствовала сильную усталость. Будто бы она сделала много дел, а ведь они недавно только приехали. Пока перетряхнули уже отсыревшие постели, подмели, разобрали еду, пообедали, потом легли поспать. Соня так и не уснула, все ворочалась. Смотрела, как небо хмурилось все больше и больше. Встала, постояла на крыльце. Туча шла не с той стороны, откуда обычно приходят настоящие дождевые тучи, но выглядела она крайне агрессивно. Соня пошла и сняла развешенные вещи с забора и сделала прочие «дождевые приготовления». Предчувствия ее не обманули: туча приперлась и пролилась.

Теперь Соня ходила по террасе, вздыхала, вспоминая перечень «надо», потом выглянула в окно, помахала рукой уходящей туче, что становилась быстро удаляющейся кляксой и...

Легла спать... У нее было серьезное оправдание – дождь... Эта небесная хулиганка осуществила полив, избавила Соню от необходимости таскать ведра с водой и предоставила ей прекрасную возможность отдохнуть... Пожалуй, впервые непогода не вызвала у нее досады. Она улеглась к Насте под бок, потому что та спала уже давно и нагрела кровать. Дочь, правда, пришлось растолкать и заставить читать детектив. Потому как если она будет много спать днем, то ночью будет только ворочаться и постоянно будить Соню. На вопрос Насти: через сколько минут разбудить? Соня только отмахнулась – когда встану, тогда и хорошо. Если проголодается, то сегодня можно отрываться по вредным супам или лапше, или пюре из пакетика...

Она проснулась около семи вечера. Да-а, подвиги сегодня отменяются. Соня еще раз посмотрела на часы и нахмурилась. Сережа так и не позвонил... Замотался, наверное, дела. Самой теперь звонить нельзя... Вот бы он сейчас был с ней... Сделали бы все дела скоренько... Соня грустно вздохнула. Украдкой смахнула слезу. «Нечего раскисать... Это все от безделья... Почему мне кто-то должен помогать? Я все должна делать сама!»

На крыльце было мокро, как впрочем, и везде. Летом бы уже все просохло, участок на бугре, открытый всем ветрам. И они, эти ветры, постоянные сожители. Жарким летом – спасительные, весной и осенью скорее утомительные.

Закат зарделся горделиво, со знанием дела, горели красные листья клена и черноплодной рябины у самого забора. Низко к земле клонились ветки со спелыми ягодами. Соня вздохнула. Вот оно, доступное дело. Пока начнет смеркаться, она успеет собрать черноплодку.

– Ма-ам, – донеслось из комнаты.

– Ну, чего еще? – нехотя отозвалась Соня.

В окне появилась довольная мордашка дочери.

– Ма-ам, ты собираешься что-то делать?

– Ну, должен же кто-то что-то делать, – зевнула Соня. – Ягоды пособираю, пока не стемнеет... А ты что, хочешь мне помочь?

– Честно?

– Ясно... Вопрос риторический, ответа не требует...

Настька испарилась от окна, слышно было, как она прыгает на одной ноге, впихивая ногу в резиновый сапог, который уже стал маловат. Спустя пару минут, ежась и кутаясь в Сонину куртку, на крыльце возникла живая картинка «Ну, что я тебе плохого сделала?». В руках она держала ножницы и миску.

Соня засмеялась и затолкала ее обратно на террасу.

– Иди, малолетний сельхозник, читай дальше свой дюдик... В качестве помощи сварись на ужин макароны...

– А ты, правда, не обидишься? – ребенок сиял. Как же мало иногда надо для счастья...

– Правда, не обижусь...

– Мам, а ты можешь делать «ничего»?..

– Теоретически могу, но практически... Надо, Насть...

– А то бы полежали, поболтали... Ты так давно со мной не шутила, не разговаривала о моих проблемах... Только ругаешься...

Соня моментально начала заводиться.

– Еще одно слово, и ты пойдешь со мной шутить на мокрую улицу! Не забудь губы черной помадой накрасить! И вообще, как тебе не стыдно! Ты что, не видишь, что у меня минуты свободной нет! Проспала, теперь завтра придется рано вставать, чтобы все успеть... Бабушка будет недовольна, оправдывайся опять... Ну, как я ей скажу, что вместо того, чтобы дела делать я лежала рядом с тобой и шутила... Что вы меня все доканываете...

Соня неожиданно почувствовала подступающие к горлу слезы, потому что больше всего ей сейчас хотелось залезть в теплую постель и делать «ничего»... Но...

Настька опять выскочила из дома и обняла Соню.

– Мам, прости... Я не хотела тебя рассердить... Ну...

– Ладно, ты не виновата, это у меня судьба такая...

– Мам, а я в одной книге читала, что девочки повторяют судьбы матерей...

– Хрен его знает, Настя... Вообще-то я тоже об этом слышала... А ты это к чему? К тому, что ты куришь, потому что я курю?

Настя захихикала.

– Нет, к тому, что, когда я вырасту, я под дождем ягоды собирать не буду... Мам...

– Ну?

– А долго у тебя в сумке будет лежать запечатанная пачка сигарет?

– Ах, вот оно что! Стрельнуть не получается?

– Мам, ты чего? Я никогда у тебя не стреляла, – деланно обиженно пожалла плечами Настя, но не выдержала Сониного пристального взгляда и засмеялась.

– Мам, я когда говорю правду, всегда вру... Ой!

Теперь Соня от души смеялась и кивала головой.

– То есть я хотела сказать: всегда ржу...

И она довольно юркнула в дом.

Соня машинально стригла мокрые веточки с черными гроздьями. Миска наполнялась быстро, рука устала, ножницы натирали пальцы. Становилось все холоднее, темнело. Соня смотрела в сторону заката, исчезающего в тучах. Скоро нарисуеться луна, если будет ее видно...

А если попросить Настю раздвинуть шторы, то света хватит, чтобы продолжать собирать ягоды, а если...

Соня опять посмотрела на небо. И ей показалось, что та туча, небесная хулиганка, недовольно дохнула на нее вечерней сыростью. Словно она напрасно старалась...

Соня бросила ножницы в миску и пошла в дом.

А на следующий день, в воскресенье, совершенно неожиданно позволила себе делать «ничего»... Поздно проснулась, долго смешила Настю, та даже позволила маме немного поглумиться над готами, чего в обычной городской жизни даже нельзя было предположить. Соне подумалось, что может надо уехать с ней недели на две, гулять, болтать, спать. Хотя только начался учебный год, и отпуска уже не было... Глядя, как дочь с удовольствием трескает макароны, трудно было предположить, что она охотно рассуждает о смерти, одиночестве и т.д. Потом часа два Соня просто сидела на крыльце и смотрела на небо... Затем, словно, опомнившись, носилась по дому и участку как электровеник, почти все успела, но спина разболелась просто невыносимо. Закрывая дом, воюя со старыми замками, Соня будто чувствовала на ноющей спине чей-то недовольный взгляд. Наверное, это подглядывала та туча, ставшая теперь невидимкой после своего небесного бунта. Она столько выплакала, столько выплеснула, но Соня, похоже, так ничего и не поняла.

Всю дорогу им сопутствовала удача. Сперва их взяли в машину до станции, и это еще и получилось гораздо дешевле, чем заказывать самим, затем сильный ливень позволил им успеть закупить пирожков и вкусностей и полил стеной только тогда, когда они уже уселись возле окна в электричке. Они рискнули ехать без билетов, но контроДашов, видимо, тоже смыло дождем. Люди заходили промокшие насквозь, не спасали ни зонты, ни плащи. Промокшие люди – совсем другие, у них какая-то душевность повышенная что ли. Поэтому ехали очень мирно, трогательно советуя, друг другу, как согреться сейчас и как грамотно поставить блокаду простуде дома, как-то всем было тепло, несмотря на то, что большинству было мокро и холодно.

Глава 2

Ксения Леонидовна вышла из подъезда и прислонилась к двери, жадно вдыхая дождливый воздух. Капли прыгали по лужам, вздрагивали плавающие в них мокрые листья. В маминной квартире всегда тяжело дышалось, плохо спалось, а сейчас, после того, как только что накричалась, вообще свело грудную клетку. Людмила Николаевна недавно овдовела и упивалась своим горем, нещадно мотая нервы старшей дочери. Ксения Леонидовна мать жалела. Но только что сорвалась и накричала. Наверное, вообще первый раз в жизни накричала. Теперь было стыдно. Надо же сдерживаться. Да и чего теперь орать на беспомощную старуху?

Вчера она приехала к маме ночевать, хотя с утра приходила помощница по хозяйству Ангелина, сводила маму погулять, сделала массаж, убрала квартиру и покормила обедом. Но к вечеру мама позвонила на работу, сказала, что она упала, ударилась головой и не может встать. Ксения Леонидовна позвонила Соне, но старшая дочь неожиданно резко отказалась менять свои планы на вечер. Она уже договорилась с друзьями и к тому же, была у бабушки в пятницу перед отъездом на дачу, приволокла полные сумки продуктов и наготовила еды. А у младшей Ляли совсем маленький Петя, ей и звонить с этим бесполезно.

Когда Ксения Леонидовна приехала к маме, усталая и дерганная, потому что надо заканчивать срочную работу, никаких следов падения на голове или на других частях тела мамы не обнаружила. Хорошие показатели давления и пульса та объяснила невероятным количеством лекарств. После чего поела с аппетитом жизнерадостной девушки, выпила коньячку, запросила кофе с мороженым. Потом немного театрально повыла, но быстро отвлеклась на интересную передачу. Вроде бы все было хорошо.

Но с утра снова было объявлено сверхскверное самочувствие, всячески намекалось, что Наташенька должна не пойти на работу. После неудачных намеков в ход была пущена тяжелая артиллерия новых рыданий. Людмила Николаевна выплыла в коридор, облаченная во все черное, даже поверх головы был небрежно наброшен черный кружевной шарф.

– Ты не понимаешь, какое меня постигло горе! Зачем мне теперь жить?

– Ну, конечно, – остатки терпенья уступали место рвущемуся крику, – где мне тебя понять?

Она бросила на пол сумку с рефератами, которые вчера так и не хватило сил посмотреть.

– Где мне тебя понять! Как у тебя вообще язык поворачивается мне все это говорить? Я похоронила мужа, если ты вообще об этом помнишь, когда девчонкам было 13 и 5 лет! И я у тебя не спрашивала: зачем мне жить и как мне жить?

– Что ты на меня кричишь? – Людмила Николаевна вжалась в кресло. – Я в этом не виновата...

Она начала плакать по-настоящему, испуганно и беззащитно. Наташенька никогда на нее не кричала.

– И я не виновата! Да ты посмотри, как ты живешь! В своей шикарной квартире, все у тебя убрано, приготовлено, я вокруг тебя прыгаю...

– Не переживай, я скоро умру, чтобы не мешать тебе жить! Я никому не нужна, я всем мешаю!!!

– Все, хватит! – Ксения Леонидовна хлопнула дверью.

– Ты забыла мусор... – неслось ей вслед.

Мусоропровод в элитном доме на Фрунзенской набережной давно не работал, поэтому мешки с мусором нужно было выбрасывать на помойку во дворе.

Ксения Леонидовна последней реплики не слышала, лифт сразу же распахнул двери. Улица встретила проливным осенним дождем. Он начался в воскресенье вечером, когда девчонки, Настя с Соней вернулись с дачи, и с тех пор все лил и лил. А вчера поздно вечером,

говорят, был даже небольшой снег, но моментально растаял. Ему еще рано. Небо было затянуто совершенно беспросветно. Ксения Леонидовна поискала сумку, где кроме рефератов был еще и зонтик. Так и есть – забыла! Возвращаться не хотелось, но мокнуть не хотелось еще больше. Она немного постояла и вошла обратно в подъезд. Дверь мама открыла неожиданно быстро, она уже переделалась в обычную домашнюю одежду. Явно не ожидала, что Ксюша вернется.

– Я забыла мусор. И сумку с работой не взяла. Я сейчас на работу иду, и меня всю трясет...

– Доченька, прости меня, – без всякого энтузиазма завела Людмила Николаевна.

– Захочешь есть, – перебила Ксения Леонидовна, – все для завтрака на столе, остальное в холодильнике, все уже разложено по площадкам для микроволновки, потрудись хотя бы подогреть...

– Наташенька, но мне уже так много лет... Я уже сумасшедшая старуха...

– Это не дает тебе права так доводить меня!

– А кому еще я могу поплакать?

Ответ Ксения Леонидовна привычно проглотила. Именно в такие пафосные минуты очень сильно хотелось напомнить мамочке о существовании еще и младшей дочери...

Ксения Леонидовна второй раз вышла из подъезда. Устроилась под козырьком, чтобы не сильно капало, и набрала мобильный Сони.

– Да, мамуль, привет... – вяло отозвалась дочь.

– Ты можешь говорить?

– Конечно, я же дома. Давай я тебе перезвоню.

«Как дома?» – чуть не задохнулась от нового возмущения Ксения Леонидовна. «Ну, пришла вчера очень поздно, но надо же встать и идти на работу... Ведь уволят же», – пронеслось тут же в ее голове. Телефон затренькал.

– Это я. Мам, я решила сегодня дома остаться. Высплюсь, Настьку из школы встречу, покормлю, уроки проверю. Ты не волнуйся, я отпросилась, все в порядке. У меня за выставку отгулы... Что у тебя такой убитый голос был?

– Я с Люсей поссорилась...

Когда маленькая Настя окончательно запуталась в своих бабушках и приставкой «пра» и без оной, в семье самое старшее поколение стали называть просто по именам. Люся и Сеня, Зина и Миша. Еще с Сониной легкой руки ее бывшая свекровь именовалась исключительно «Верунчик».

– Что, – зевнула Соня, – достал театр одного актера?

– Соня!..

– Ладно, прости. Чего случилось то? Ты сейчас где?

– У подъезда под козырьком стою... В общем... Ну... Короче я на нее накричала...

– И?..

– Теперь переживаю. Она сказала, что умрет, чтобы не мешать мне жить. Сонь, я боюсь, вдруг она правда с собой что-нибудь сделает?

Соня засмеялась.

– Мам, ну ты чего? Люди с таким эгоизмом никогда ничего с собой не делают... Она просто разряжается, использует тебя при этом. Ты не хочешь меня слушать, а она развлекается. Ей просто скучно, нужна аудитория...

– Сонь, ну она же моя мама...

– Я в курсе. Если бы она еще хоть изредка вспоминала, что ты тоже мама, и уже, Слава Богу, бабушка... Ладно, не переживай. Сейчас я еще посплю и ей позвоню... Наверное послезавтра смогу подъехать, даже переночевать. Хотя я нифига не сплю в той квартире...

– Я тоже.

– Плохо. Тебе же на работу... Ой, какая я сегодня счастливая!.. Сегодня работа живет без меня, а я без нее... Давай, все хорошо...

Когда на улице противно завывала сирена, Соня попробовала еще раз проснуться.

О, какое тяжелое утро... Как же болит голова... И пить хочется... И надо же было вчера так отличиться... Мама теперь будет пилить наверное месяц... Она знает от Настьки, что пришла очень поздно... Ох, Макс – великий провокатор... «Хватит сидеть дома... Давай выберем кабак рядом с твоим домом»... Интересно, который час? Наверное, уже глубокий день, потому что утром Настька ее будила и велела позвонить на работу... Значит, дочь ушла в школу без Сониного участия. Естественно, голодная, с голой шеей и с голым пузом... Поганка... О, Боже! На что пришлось угрохать честно заработанный отгул? Да, кажется, еще звонила мама... плохо соображается... Что-то опять было про Люсины истерики... Надо будет позвонить... Бр-р-р... Соня прислушалась... Ого, Настя уже дома... Значит точно – глубокий день.

Закутавшись в одеяло, Соня направилась на кухню. Из-за закрытой двери неслось довольное хихиканье. Соня распахнула дверь и попробовала придать лицу строгое выражение. Настька с кем-то быстро распрощалась.

Соня зевнула.

– Мам, иди спи... Хочешь я тебе чаю принесу?

Соня поморщилась. Чаю ей не хотелось точно... Соня уселась на стул, Настя встала рядом и обняла ее... Так, надо было срочно завязать какой-то разговор... Ах, да... Нужно выяснить подробности возвращения домой... Соня потерла лицо руками.

– Настя, последний раз спрашиваю: кто вчера принес меня домой? Бабушки не было дома, дверь открывала ты... Хоть и смутно, но я это помню...

– А еще что ты помнишь? – Настя строго посмотрела на нее и встала «руки в боки» – ну, само праведное негодование нехорошим маминым поведением.

– Ну-у... Кому-то же я сказала: Спасибо, до свидания... И кто-то мне с лестницы сказал: Берегите себя, Соня... И это был кто-то... В смысле не Макс... Да, это точно... Потому что Макс неудачно уронил себя в грязную лужу, когда пошел ловить такси... Это я помню... Катька еще сказала, что его теперь даже в трамвай не пустят... А он завелся, начал орать, стало ясно, что сейчас они опять разведутся... Причем прямо здесь... Даже может домой поврозь поедут...

Настя продолжала ехидно хихикать.

– Но хотя бы имя ты можешь мне сказать? – продолжала пытаться дочь Соня. – Интересно, чем тебя подкупили... Как ты говоришь, крепкий, колоритный... Что у нас еще на букву «к» бывает?.. Кроме «козла» ничего на ум не приходит... Да, еще коньяк, будь он неладен... Хотя, если этот «мистер К» доставил меня до дому в таком неинтересном для мужика состоянии, то козел пока отменяется... Интересно, где он меня подобрал... Как из кабака вышли помню, первый момент, холодно было... А потом опять тепло и уже ничего не помню... Но, раз я так расслабилась, значит было можно... Так, давай, колись быстро, видишь, мать страдает... Тебя что, обещали взять на «Фабрику звезд?»

Настя отрицательно покачала головой, давась смехом.

– Ну, Слава Богу! Мое главное жизненное достижение остается со мной... Да-а... – Соня хмурилась, словно усиленная работа бровями растолкает память... – Но то, что ты описываешь, явно не из моего гардероба...

– А жаль, – простионала хохочущая партизанка-дочь. – Мам, а у тебя правда вчера китайцы цыганочку танцевали?

– Ну, – икнула Соня, – пардон... Допустим, не у меня, а в «Разгуляе», а откуда информация?..

– Тетя Катя звонила.

– А, ясненько... Давно?

– Не, не очень...

– И подробно она тебе про цыганочку рассказывала?

– Нет, только спросила: не болят ли у тебя плечи и голова... И велела тебя не будить, потому что ты вчера устала быть художественным руководителем китайско-цыганского танцевального коллектива...

– Понятно, словом, оторвались по полной сами, и еще зачем-то оторвали китайцев от мирного ужина. – Соня опять зевнула, потянулась и легонько шлепнула дочь. – Давай, топай уроки делать... Сегодня у тебя день родительской любви...

– За что? – мгновенно помрачнела Настя.

– Было бы за что... Давай, все уроки, дневник и все тетради на стол...

– Все то зачем?

Соня уже набирала Катькин номер.

– Давай, топай отсюда и не зли меня.

– Ты итак сегодня вряд ли добрая... – продолжая бубнить, Настя направилась в комнату. Катя долго не брала трубку. Потом скорее зевнула, чем сказала «алло».

– Привет, – Соня одновременно жадно пила сырую воду, – давай краткую сводку событий. Похоже, вам вчера удалось меня напоить...

– Н-да... Мы тоже сегодня долго сверяли показания, после того как разругались, развелись и немного поспали... Тебе с исторического экскурса начинать? Ты решила устроить «бунт на корабле», хотела приехать к нам, но Макс у дома было тесно, и он решил развернуться, тебе было предложено выбрать: китайские пельмени или цыганские пляски...

– Насколько я помню, – Соня попыталась сесть поудобнее, но коварная табуретка вывернулась из-под сложной конструкции «Соня, закутанная в плед». – Я выбрала цыган. Тогда сразу же вопрос: откуда там взялись китайцы, и чем они мне мешали? – Соня потирала ушибленную спину. Плечи действительно побаливали. Смутно вспоминался вчерашний праздник жизни.

– Я-то откуда знаю, чем они тебе мешали? После того, как пошел в расход второй литр коньяка, тебя почему-то сильно возмутило, что они проявили постыдное равнодушие к русскому народному цыганскому творчеству...

– А как они проявляли это самое равнодушие постыдное?

– Да сидели тихо в углу, ели, пили...

– Ясненько... А «как меня зовут?» я у тебя спрашивала? Правда, что ли? А сколько раз? А как ты думаешь, почему: не могла буквы на слух воспринимать, или проявляла бдительность, присущую мне в трезвом состоянии...

– Из нас трезвым был только снег, да и тот к утру растаял... От стыда, вероятно...

Соня нахмурила лоб, старательно что-то припоминая...

– Кажется, к Макс у кто-то подошел... Вроде бы он мне понравился... Какой-то кураж дурацкий... Не помню, но почему-то у нас открылось второе дыхание...

– Или третье горло...

– Да, надо было хотя бы на улицу выходить... Вот как в марте, помнишь? Низкобюджетный день рождения: из кабака в кабак на троллейбусе... Подожди, ты что сказала про снег? Образно, что ли?

– Да, мать... Тяжелый случай... Вчера же резко похолодало и снег пошел. Мы еще пили вначале за первый снег...

– Судя по состоянию, мы пили за каждую снежинку в отдельности... Боже, у меня же там топчан примерз на даче, и велик так и стоит на улице... Надо срочно Серегу доставать, ехать закрывать сезон... Если он, конечно, соизволит...

– Вот как?

– Да, он опять такой противный стал... Собственно, это, наверное, я в себя прихожу... Ладно, про него уже старая песня... Так кто к нам присоединился?

– Леха. Он же доктор.

– Врач что ли? Вот оно что! У меня же врожденная симпатия к докторам мужчинам. Или он, как Макс, имеет визитку «доктор Леха»?

– Там какая-то странная история. Он вроде бы из серьезных докторов ушел, но на скорой подрабатывает.

– А почему из докторов ушел?

– Как Макс говорит – он лечить не любит.

Соня прыснула.

– Может, мы рановато с ним познакомились?..

– Не, ты не то подумала. В смысле ему интересно только диагноз поставить, в этом он и спец, уникальный просто. Они все к нему обращаются, когда чего заболит...

– А вчера кому-то из нас вызывали скорую? Наверное, замученным китайцам.

Теперь хохотнула Катя.

– Слава Богу, тебе китайцы быстро надоели... Хотя, конечно, любой мастер комедийного жанра вчера умер бы от творческой зависти... Когда ты требовала от них больше чувства и эмоциональной раскованности...

– Кать, – перебила Соня, – а Алексей эти пляски видел? – Соня почему-то почувствовала легкое смущение.

– Честно? – Катя немного помолчала. – Я не помню... Кажется, видел... Или не видел... А тебе...

– Ладно, фиг с ним, – Соня снова сладко зевнула, – у меня проблема поинтереснее. Меня вчера кто-то до дома практически донес...

– О как! – оживилась Катя.

– Ага, – продолжала Соня, – но дело в том, что я совершенно не помню, кто это был. Это был Он, я точно помню... Да и никакая тетка меня бы не донесла, наверное... Дверь открыла Настька, потом я ничего не помню, но Настьку подкупили на корню... Все мои попытки выяснить личность ангела-сопроводителя безуспешны. За это пойду проверять уроки... Особенно литературу...

– Может, это Леха? Я, честно говоря, смутно помню, как мы уходили...

– Не, я бы его запомнила.

– Понравился?

– Да ну тебя!

– Спрошу у Макса, но, по-моему, они что-то говорили, что он зализывает раны после развода.

– Таки Бог ему в помощь... Два раненых придурка – одна зияющая рана... И потом, какая мне разница, я лично замуж не собираюсь... Надоели вы мне все!

– Я то чего? Не заводись... Могли бы просто так потусоваться... Он мужик типа тебя.

– В смысле?

– Ну, приколист-одиночка... Слушай, я спрошу у Макса, чего он помнит. Ну, про Леху, откуда он там взялся и вообще, а потом тебе все расскажу.

– Хорошо бы еще выяснить, что помнит Леха... Раз он пришел позже, то должен быть трезвее нас.

– А вот это спорное утверждение... Мы же не знаем откуда он к нам пришел и в каком состоянии... На какую алкогольную палитру капал наш коньяк...

– А-а-а! Не произноси при мне это...

Пока Соня болтала по телефону, Настька в коридоре все подслушивала и строчила смс-донесение тому самому «К», который обещал ей купить диски, если она сможет не расколоться, кто вчера проводил маму до дома. Настька совершенно измучилась, потому что приходилось писать нормальными русскими буквами, а она привыкла изъясняться смесью латиницы и цифр.

Так гораздо удобнее и быстрее, ей даже удалось приучить к этому маму, после некоторых расшифрованных совместно сообщений.

Сейчас получалось примерно следующее: Мама не помнит сейчас пытается тКатю похоже бесполезно как мои диски?

Ей показалось, что сообщение очень подробное и понятно, поэтому она наконец-то нажала «отправить». Ответ пришел быстро: возьмешь завтра в почтовом ящике.

«Круто! – подумала Настя. – Значит, он уже нашел, купил, знает, как войти в подъезд и запомнил номер квартиры. Вот точно мама говорит, что мужик, если захочет, то из-под земли достанет...»

Вчера она, как всегда, сначала радовалась, что ее оставили дома одну. Зашла Ирка, сразу же, как уехала мама. Они покурили, поржали. Сигареты Настька опять стрельнула у мамы. Ирка сказала, что у нее нету. Потом Ирка ушла гулять, и Настя в окно видела, что она вышла и сразу же закурила. Сука она все-таки... И везет ей – гуляет целыми днями... А Насте опять было строго велено сидеть дома. Она посмотрелась своих клипов, несколько раз накрутила и смылась, потом стало скучно и захотелось, чтобы мама скорее пришла домой. Настька начала ей названивать, но мама на третий звонок отреагировала очень сердито, сказав, что здесь очень громкая музыка, она плохо слышит звонок и вообще, пусть Настька ложится спать и ее не дожидается. Вернется поздно.

Настька залезла во все мамины шипучки и соли для ванны, с удовольствием пролежала во вкусно пахнувшей и шипящей воде долго, пока вода не остыла. Бабушки дома не было, она оставалась ночевать у Люси, и никто не стучал в дверь с дежурным воплем: ну, сколько можно торчать в ванной... После этого бабушка начинала обычно ворчать на маму: дескать, Настька повторяет все за тобой, и что ты так долго делаешь в ванной?.. Настя не любила, когда бабушка ворчала на маму. Потому что мама на бабушку никогда не ворчала, а только сразу же начинала ругаться на Настю. Правда, после тихонько приходила погладить ее по голове и попросить прощения за напрасное ругание. Настька маму всегда прощала. Но вот сегодня ее никто уже по голове не погладит.

Настька попробовала помучить себя чтением, но новых детективов мама давно не покупала, а ничего другого ей читать не хотелось. Последний новенький был «проглочен» на даче. Настя оставила свет в коридоре и стала пытаться уснуть, но получалось плохо. Она каждые пятнадцать минут смотрела на часы, постоянно проверяла мобильник, который был только на вибросигнале: вдруг она пропустила мамину смс-ку или звонок. Но мама не подавала никаких сигналов, Настька достала свой очередной дневник. Она знала, что мама их находит, но продолжала заводить новые.

Над одним из первых ее дневников они с мамой хохотали вместе. Корявым почерком была написана всего одна фраза: «Описание сваяй жизни я начну с таго что я влюблялась тринадцать рас». Дальнейшая информация отсутствовала, мама веселилась, шутила и требовала продолжения, уж больно обещающим было начало.

Ну, почему она не идет? Поздно, страшно... Настя заплакала, вжавшись в угол кровати и накрывшись с головой. Не заметила, как уснула...

Разбудил ее долгий, чужой звонок дверь. Они все звонили три раза. Настя испугалась, схватилась за мобильный. Время было 1.30, никаких новых сообщений и не принятых звонков не было.

Настя открыла дверь, как была, в короткой черной футболке, и отпрянула. Мама с закрытыми глазами буквально сползала на пол, а ее поддерживал совершенно незнакомый мужик.

– Привет, – сказал он, проталкивая Соню в дверь, – ты Настя?

Настя кивнула.

– Вот и славно, значит это твоя мама. Сегодня ты на нее не ругайся, бесполезно...

– Я вообще на маму не ругаюсь... А вы кто?

– Служба доставки пьяных родителей...

Соня механически вешала куртку на вешалку. Куртка падала, Соня тупо смотрела на этот процесс.

– Все, я пошел.

– Может, вы чаю хотите?

Он внимательно посмотрел на нее. Под глазами у Насти были большие черные размазанные пятна. А Соня, пытаясь поддержать разговор обсуждением погоды, что-то старательно плела про внезапную черную тучу. И у него спрашивала, бывают ли в его жизни черные тучи и черные машины... Теперь еще это чудо черно-размазанное... Он улыбнулся.

– Для чая еще, пожалуй, рановато, а вот от твоей помощи я не откажусь.

– У меня денег нет, – растерялась Настя, – но можно у мамы в сумке посмотреть...

– Какие с тебя деньги, чудо? Вот рассказывать маме про меня не надо, пока...

– Почему? Вы ее что, ограбили?

– Ага, еще быстренько изнасиловал и домой принес, чтобы замести следы... Короче, она будет тебя завтра расспрашивать, а ты ничего не говори, пусть думает, что сама до дома добралась...

– Ну, не знаю... Вообще то у нее память очень хорошая... Если она вспомнит, что ее кто-то провожал, то не отцепится, пока все не выведает...

– А ты постарайся... Денег я тебе не могу предложить, но может, тебе какие-нибудь диски нужны?

Это был удар ниже пояса. Настышка тут же выпалила названия дефицитных альбомов, которые были ей позарез нужны. Особенно если Ирка себе еще не купила...

Странный мужик оказался в теме, сказал: нет проблем. Потом достал из кармана визитку, где был указан только телефон.

– Завтра смс-ку бросишь, что все в порядке.

– А если я все-таки расколюсь?

– Дитя, надо в себя верить... Ты для этого уже достаточно взрослая...

Когда Настя вернулась в квартиру, мама уже спала. Настя поправила одеяло, на всякий случай принесла свой теплый плед и укрыла маму поверх одеяла. Вдруг будет мерзнуть...

Глава 3

– Макс, батенька, как ты?

В ответ неслись невразумительные стоны.

– Везет вам, банкирам и иже с ними... Я вот как положено в восемь на дежурство заступил... Несмотря на то, что подругу вашу доставил аж до самого дома и сдал на руки дочери. Хорошая девчонка...

– Матушка ее бузила?

– Соня? Да она заснула сразу в машине... Правда, пыталась что-то про грозовые тучи рассказывать...

– Не, кума вчера конкретно вырубилась, это понятно. Сониная мать видела?

– Не знаю, дверь дочь открыла. Слушай, Макс, а Катя помнит, что Соня со мной уехала?

– Вроде нет... Не говорить что ли?

– Попробуй, а? Может как-то получше знакомство завяжется... Сдается мне, мадам ваша серьезная, застеняется своего такого поведения... Ты как насчет здоровье поправить?

– Только не сегодня... Я уже пол-упаковки какой-то дряни выпил с утра... Катка детей в школу повела... Сейчас только спать... Слушай, а давай на бис вместе все зависнем... Ну, через пару дней, когда я смогу о еде спокойно думать...

– Я подумаю...

– Мать твою! То ничего не говори, то – подумаю... Ладно, не до тебя сейчас, башка раскалывается... И как ты только работаешь?

– Профессионально...

*

Следующим вечером Соня бежала встречать Настю из школы. Голова гудела от усталости, накатывала досада: большая уже, двенадцать лет, а следить надо как за маленькой. Даже больше... В какие-то идиотские готы заделалась, выглядит – жуть ходячая, учиться перестала... Все думалось – образуется... Но с каждым днем все хуже и хуже. Просто напасть какая-то... Приходится встречать ее из школы с продленки по очереди с мамой. Иначе она опять пойдет в гаражи курить и пить пиво, потом будет нести всякую чушь про то, как человек одинок, обречен и весь мир настроен против него...

А вчера Соня опять проявила слабость характера, поверила на слово, не стала проверять уроки. Сегодня – пожалуйста: два по физике, три по алгебре... Ну почему она должна еще и уроки с ней делать!!! Впрочем, Соне было скверно не только физически. Она чувствовала усиливающееся внутренне сжатие, словно неуловимо надвигалась какая-то беда. На даче все было нормально, спокойно... Два дня в школе – и она не знает, как с дочерью себя вести... Охватывала паника, и Соня никак не могла с собой справиться... Ну, что еще должно случиться?

На работе Соня начиталась про готы и про сопутствующие этому проблемы молодежи. Сперва все больше встречалась информация, что это ничего страшного, такой способ самовыражения... Стремление выделить себя... Готы, получалось, самые интеллектуальные из неформалов. Дурацкая черно-черепная атрибутика, но музыку классическую слушают, что, правда. Настя конкретно зависала на Моцарте. Недавно попросила «Реквием» и даже «Волшебную флейту». Сама Соня больше десяти минут слушать не могла, начинались сильные головные боли...

Но дальше стало ясно, что за всем этим могут стоять проблемы гораздо серьезнее. Что все различия между готами, эмо, растаманами могут мгновенно стереться, если дети попадают под влияние с определенной целью... И цели эти жуткие и принадлежат вовсе уже не детям. И если вчерашний ребенок оказывается в сетях известно чего, то уже без разницы что

этому предшествовало: черный макияж, розовая челка или идиотские вязаные береты городских сумасшедших.

Она так увлеклась, что даже не почувствовала, как страх сковал ее всю, от пяток до затылка... Ребята в отделе заметили, что Соня стала какая-то странная. «Будто из тебя жизнь откачали, чего такая бледная, как смерть...» Соня опомнилась, отшутилась. Закрыла все ссылки, потащила всех на перекур, анекдоты рассказывала... Она вообще и мысли не могла допустить, что кто-то поймет, что у нее проблемы. Но ей вдруг стало очень обидно. Она надывается, чтобы все было как у всех, чтобы нормально жили... Женька, бывший муж, создал семью с гражданкой Украины, родил себе другую девочку, не помогает никак и ничем... Да и никто ничего от него не ждал. Соня развелась сама, когда стало ясно, что из всех возможных жизненных благ он выбрал водку. И впереди Соню ждали бы его вечные пьяные травмы, долги и проч. Она все перепробовала, из всех бед выручала, ведь «в беде не бросают»... Когда посчитала, сколько денег потратила на спасение супруга, то поняла, что уже ездила бы на «Форде»... Если бы, конечно, захотела... Но машин Соня боялась и представить себя за рулем было выше ее сил...

И потом все вокруг твердили хором «он без тебя пропадет»... Потребовалось три года, чтобы Соня ясно поняла – формулировка неверная в корне. «Это не он без меня, это я с ним пропаду... А у меня другие планы...» Как только Соня это поняла, развод прошел быстро. Вокруг стало больше воздуха... Для начала счастьем оказалось то, что вечером можно приходить домой и ложиться спать, а не ждать с ужасом ночного возвращения отца семейства с непременным разбором полета...

Но почему именно ее Настя должна была вляпаться в эту черную хероту? Серега говорит, что ремня ей не хватает... Много он понимает... Хотя, своих же вырастил нормально... Соня остановилась и вдруг отчетливо вспомнила тот зимний вечер, когда все у них началось и Серегу, который держал ее лицо в ладонях и говорил: Мне сорок лет и у меня двое детей... Почему-то ей тогда понравилось, что он сразу про детей сказал. Впрочем, то, что он женат, она итак знала. И засмеялась тогда в ответ: а мне – тридцать и у меня пока одна дочь... А Настька ему все равно чужая, да и она, наверное, тоже... Маме лучше вообще ничего про это готство не рассказывать... Только еще больше бояться и переживать будет. А надо понять, что делать... «Большинство детей, как правило, из неблагополучных семей...» Сегодня именно эта расхожая фраза сильно зацепила Соню.

Это они неблагополучные?.. Хотя, если вдуматься в это слово... То «благо», пожалуй, и Соня, и ее мама явно недополучили... Всякие трудности, неприятности и болезни – пожалуйста, как из ведра (когда же оно оскудеет уже), а вот чтобы блага какие получать... Не вкалывать, зарабатывая, а именно получать... Просто так: родилась – вот тебе сразу блага, да побольше, побольше... И никаких «таблеток от жадности»... Проси все, что захочешь, и все к тебе само придет... Вот разве что Лелька, сестра младшая, удачно вышла замуж. Прямо как она мечтала: муж ей кофе в постель приносит, к ребенку по ночам встает, и вообще... И живут отдельно. Правда, он пока не очень миллионер, но на жизнь им хватает вполне...

Соня задумалась, погрузилась во внутренний монолог и проскочила нужную дорожку к школе. Тьфу! Теперь придется топтать по грязи...

Сначала она увидела Ирку, подружку Насти, стоявшую в обнимку с каким-то парнем. Еще двое парней совершенно уродского вида стояли в стороне. Настя что-то очень оживленно им говорила, подпрыгивала, размахивала руками, в одной руке была сигарета. Сутулая, без шапки, в распахнутой куртке, с вызывающим черным макияжем. Успела уже намазукаться! Соня быстро отпрянула назад и неожиданно для этой компашки возникла из-за гаража, схватив Настю за руку, в которой та держала сигарету.

– Деточка, дай покурить, – противным голосом протянула Соня. Настя выронила сигарету.

– Ой, у тебя упало... – Соня продолжала ерничать. – Ну, дай покурить усталой тете, у тебя же еще есть...

Один из парней собрался что-то сказать, но Настя опередила его.

– Мам, привет...

– Здрасьте, – подхватила приветствие Ирка, которая тоже успела бросить сигарету и отлепиться от юноши бледного без всякого горящего взора. Юноши имели вид как после недельных пыток...

Настя двинулась вперед.

– Ладно, мы домой, – бросила она своим.

– А чего сразу домой? – Соня продолжала говорить противным голосом. – Давай еще пообщаемся, покурим... Может, вы еще и выпить дадите...

– Не, мы не пьем, – примирительно заявил один из парней и снова обнял Ирку. Та стояла, опустив голову.

– А чего так? Не можете больше? – Дети этой шутки не знали и довольно заржали. Настя пошла вперед. Соня догнала ее. Хотелось треснуть больно-пребольно без всяких объяснений...

– Ну, и что мне теперь делать?

Настя пожала плечами.

– Мам, прости... – вяло, не поднимая головы. Она уже успела застегнуться, надеть шапку. Холодало.

– Смени пластинку, – также вяло огрызнулась Соня. – Это ты с ними в зимний лагерь собралась? Извини, дорогая, у меня нет денег тебе с собой на сигареты...

– Я больше не буду... – никакого энтузиазма в голосе.

– Ага, и меньше тоже... Папаша твой «Педро», тоже, когда извинялся после запоя...

– Мам, хватит!

– Ты еще на меня поори! – Соня замахнулась, Настя вжала голову в плечи. Соне вдруг захотелось прижать ее к себе сильно-сильно. Но это было неправильно. Надо было пилить, наказывать... Потому что мама говорит, что во всем виновата Сонина бесхарактерность. Накажет – и тут же простит. Перестанет разговаривать и через три дня уже помиритесь... Хорошо, что у Сони хватило характера не пустить Настю в Питер за прогулы и двойки. Теперь вот надо наказывать зимним лагерьем. Ой, сегодня же Сережа может заехать! Как же она забыла!

– Насть, погоди, надо в магазин зайти.

– Можно я домой пойду? Мне уроки еще делать?

– Не забудь покурить по дороге!

– Ну, мама!

– Папа! Бабушка! Все, вали, иди куда хочешь! Правильно, а мать пускай тяжелые сумки таскает!

В магазине Соня долго перебирала разные мясно-колбасные нарезки. Подошла Настя и попросила чипсов. Соня вяло возмущенно отказалась – нечего тратить деньги на всякую гадость.

– Мам, чего ты выбираешь, я все равно это не люблю.

– Ты здесь причем? Сережа должен заехать. Да, походи хлеб черный возьми. Он черный любит.

– А можно себе лаваш?

– Обойдешься. Доедим черный хлеб, а в другой раз тебе лаваш купим. Да, еще возьми для бабушки хрустящие хлебцы. Ну, кругленькие, гречневые, которые я всегда для нее покупаю. А я пойду для нее овощей посмотрю на гарнир и на салат.

– Хотя бы шоколадку мне можно? – возле кассы спросила Настя.

– Что значит хотя бы? – моментально взвилась Соня. – Тебя что, плохо кормят? Ты еще чем-то недовольна?

«Ну конечно надо купить ей шоколадку», – подумала Соня-мама. «За такое поведение обойдется без всего приятного!» – немедленно возразила Соня-воспитательница. Последняя сегодня победила. Соня подошла еще к киоску с вещами. Она все еще висела. Нежно салатоваая, с кружавчиками, очень миленькая пижамка... Соня еще раз вздохнула. Прикинула все ожидаемые траты. Если бы она хотя бы не должна была маме денег... Разве можно купить себе пижамку, если должна маме денег? Никак нельзя. А она висит, такая хорошенькая, Сониного размера.

– Мам, – Настя уже изучила ассортимент дисков, – диск, конечно, тоже нельзя?

Соня задумчиво кивнула. Из магазина она вышла почему-то в очень скверном настроении, хотя купили вроде много и сумму потратили не очень большую, но что-то никакой радости не было. Сейчас еще придется лишиться дочь сериала и заниматься физикой и географией. Вчерашняя война с алгеброй закончилась окончательной победой последней и безутешными Настиними рыданиями. После чего Соня быстро сделала все четыре номера...

Дома постоянно звонил телефон. Всем была нужна мама, а она внепланово поехала к бабушке. Извелась вся из-за этой ссоры...

Соня быстро начала раздраженно отвечать, за что ей, конечно, влетит. Хотя Соня искренне не понимала, почему если люди нашли время и позвонили, то автоматически считается, что у нее тоже есть время, чтобы долго и подробно отвечать на вопросы, на которые она вовсе отвечать не хочет или, что не менее безрадостно, терпеливо выслушивать, у кого, что, где болит и кому как нехорошо. Последнее, как правило, относилось к подругам Сониной бабушки. Милые старушки считали своим священным долгом поучить Соню жить и поведать о своей жизни, хорошо, если не о своей молодости.

Вот и сейчас Соня стояла с трубкой у окна и терпеливо говорила: ой, ничего себе... И так уже сорок минут. Настя корпела над государственными границами России, периодически возникая на кухне, чтобы что-нибудь скушать и, тяжело вздыхая, поинтересоваться: нафига ей это нужно знать... Еще было совершено два захода на возможность договориться посмотреть сериал. Но оба захода закончились громким выходом с кухни... После чего настала очередь физики. На закуску оставили литературу. Сережа не ехал и не звонил. Закончив слушание очередного телефонного монолога, Соня стала набирать сама. Потом написала смс. Он позвонил и сказал, что постарается заехать. Заехал в разгар постижения механического движения. Пришлось разрешить Насте досматривать сериал.

Соня приготовила к чаю вкусные бутерброды. Но Сергей отказался и от чая, и от просьбы побыть с ней немного. Он стоял в коридоре, прислонившись к входной двери. Часто так делал. Соня прижалась к нему и тихо плакала. Сережа гладил ее по голове и молчал. Ему Соня рассказала все, а маме наврала, что все в порядке, что Настя не курила сегодня и все хорошо. Мама опять у бабушки, послезавтра Сониная очередь. Вариантов нет, переезжать никто не хочет. Бабушка хочет жить в своей квартире и считает, что мама должна переехать к ней. То, что у мамы есть две дочери, внучка и внук, работа, бабушку мало волнует. Мама тоже хочет жить в своей квартире... Мамина сестра хочет жить своей жизнью со своей семьей в другой стране... Поэтому бабушка усердно мотает нервы маме и Соне... А Соня начала чувствовать сильную усталость от всего этого... Кажется, и от мамы тоже... Почему она всегда всем недовольна... Сколько ни старайся – все мало. Теперь с Настей проблемы и каждый день нотации с подтекстом, что виновата во всем Соня, потому что проводит много вечеров с Сережей... А он – бесперспективный... И дело даже не в том, что не женится, а дело в том, что забрать ему Соню некуда...

Сережа так ее понимает... Это, конечно, неправильно мужчине на родственников жаловаться, тем более дочь... Но зато легче стало... Может быть он поймет, как нужен Соне... И какая она на самом то деле хорошая... Поймет и будет со ней, только где?.. Все дело в том, что

негде... Была бы у нее своя квартира... И все бы было сразу... Сережа бы точно к ней ушел... А так – куда им деваться...

А вообще-то, наверное, все-таки как-то надо о себе подумать. Старается все больше и больше, а получается какая-то фигня. Беспросветная просто. Соне подумалось, что она похожа на ту черную лохматую тучу... Только уже не огрызается, не рычит и увы, не сверкает... Какая все-таки миленькая была пижама, и стоит не дорого... Но как было купить, если она маме еще долг не отдала? Нет, покупать нет смысла – все равно никто не видит, в каком виде она спит...

Сережа давно уже проехал мимо окон, традиционно притормозив и помахав ей рукой, а Соня все стояла, прижавшись лбом к холодному стеклу.

– Мам, – Настя тихо подошла сзади, – на меня ругаешься, а сама дышишь на стекло. Вот, смотри, какое пятно надышала... Смотри, – она быстро нарисовала на пятне череп, – клево, да?

– Господи, ну что у тебя на уме?

Соня принялась быстро размазывать это безобразия... Настя уткнулась носом в Сонину спину.

– Мам...

– Ну?

– Мам, а можно сегодня не проверять литературу...

– Не можно. Что там?

– Страница 23 тире 30.

– Немного же. И что?

– Читать.

– Что?

– Страницы 23 тире 30...

– И что?

– Читала...

– Что читала-то?

– Все, что там написано...

– Где там?

– На странице 23–30...

– Так, хватит мне мозги морочить!

Соня оттолкнула Настю.

– Неси учебник.

Когда Настя вошла на кухню, Соня видела, что она плачет, но решила это проигнорировать. Действительно, устала. Но раз надо сделать, значит надо сделать. Пусть привыкает...

Соня раскрыла книгу на заданных страницах.

– Опаньки! «Борис Годунов»... Так-так... Самое, пожалуй, время для изучения... Седьмой класс... Ладно, давай так сделаем. Садись, начинай читать. Расскажешь мне, что поняла. А я помогу.

– А ты что, читала, что ли?

– Нет, мультфильм смотрела! Давай, вали. Я тебе сейчас в комнату чаю принесу и бутерброд. Сегодня тебе худеть нет смысла, ты слишком много серого вещества потратила. Можно и покушать.

Когда Соня вошла в комнату с бутербродами, Настя увлеченно читала.

– Ну, расскажи коротенько.

– Короче, тут какой-то дядя с длинной фамилией и Шуйский сплетничали про царя...

– Та-а-а-к... Начало интригующее.

– А потом еще про Отрепьева с Пименом...

Соня захохотала. Настя старательно сделала ударение на втором слоге в имени старца. Впрочем, откуда ей было знать, как правильно поставить ударение.

– Насть, а ПимЕн это кто?

– Как кто? Кореш по келье...

Соня зажала рот рукой, чтобы не хохотать в голос.

– Ладно, мам. Я честно дочитаю, – и Настя погрузилась в чтение. – Ой, представляешь, «мальчики кровавые в глазах» оказывается отсюда...

Опять зазвонил телефон. Соня тяжело вздохнула и рывкнула в трубку: Да!

– Вот, слышь, Кать, она прям сразу согласилась...

– Здорово, Макс. Ты будешь смеяться, но мы тут с Настей Пушкина читаем.

– Слышь, Кать, она опять шутит... Надеюсь, на китайском языке?

– Хватит издеваться!

– Кума, а кто обещал хотя бы раз в неделю ходить в приличное место с приличными людьми?..

– Макс, у меня больше нет отгулов... И эту неделю, кажется, я отработала... Нет-нет, теперь надо дать организму восстановиться...

– А мы будем учиться вовремя останавливаться... Когда-то надо начинать.

– Смешно... Сам придумал?

– Нет, доктор подсказал... Умеренность, говорит, основа счастливой жизни.

– О как!!! Я балдю!!! Если доктор будет с нами, я буду вести записки на манжетах...

– Кстати, о докторе... Если ты не против, то он будет с нами... Ему сильно кажется, что ты его не запомнила и при встрече не бросишься ему в дружеские объятия...

– И сильно мы с ним подружились?

– Я не помню, а доктор правду скрывает... Ну, куда пойдём. Поближе к дому?

– НЕТ!

– Тогда доверимся доктору. Он знает пафосное местечко...

– Пафосное – это хорошо, – перебила Макса Соня, – есть вероятность, что приличия удержат нас в рамках...

– Кума, не забудь рамку побольше... Значит завтра, – Макс сделал небольшую паузу, видимо, для Сониных возражений. Но Соня молчала, потому что очень хотела в пафосное место! И совершенно без всяких рамок и приличий. Потому что она пропустит очередной семейный вечер, придет и ляжет спать. А потом работа. И все как обычно. Но это потом.

– Ага, где?

– Мы тебя в центре прихватим, Катюха днем с тобой созвонится...

«Как хорошо, что они у меня есть», – подумала Соня. Катя ее единственная близкая подруга. Они дружили со второго Сониного и третьего Катиного курса. Химии и прилегающих к ней наук обеим было мало, тянуло к искусству, да и просто к интересному общению. На факультете общественных профессий, изучая Кремль и Красную площадь, они и подружились. Вместе было комфортно. Теперь, прекратив отношения со многими людьми, которые лишь казались близкими, Соня поняла как это важно, когда вместе комфортно. Они часто вырывались в театры, на выставки, в музеи. В противный день 8 марта ездили на экскурсии по Золотому кольцу, вместе были в Новгороде, Питере... То есть проверили свою совместимость всячески. Она оказалась прочной. Нет необходимости подстраиваться, притворяться, терпеть что-то раздражающее. Можно рассказать про все, что ты хочешь и, что гораздо важнее, можно о чем угодно промолчать. Не хочешь говорить – не надо.

Когда Соня была замужем, а Катя с Максом только начинали совместную жизнь, то дружили семьями. Даже умудрились провести отпуск на даче в Мамонтовке с детьми, собрали кучу забавных приключений и так не поругались. Сложный период настал, когда Соня развелась, а Макс вбил себе в голову, что она собирается влиять на Катю, чтобы та тоже разводилась. Уж больно расцвела после развода Соня. Но время все поставило на свои места, и теперь они просто были близкими людьми, почти уже как родственники.

Теперь Макс даже перестал при каждой встрече третировать Соню вопросом: когда мужика хорошего приведешь? Сколько можно ждать салатиков?

Салатики Соня стала привозить с собой, когда приезжала к ребятам в гости, но Макс не унимался: А на люстре покачаться? А морду кому-нибудь набить?

Тогда Соня пошла на хитрость: Мой второй муж сильно занят, и ему сейчас некогда со мной познакомиться!

– Чем он так занят? – интересовался Макс, еще не понимая, что Соня опять прикалывается.

– Как чем! Деньги зарабатывает!

– Каким образом?

– Алмазы добывает...

Макс уважительно задумался и отстал. Спустя какое-то время позвонил и сказал про какие-то изменения в законах и постановлениях, дескать, теперь в России алмазы добывать гораздо легче и выгоднее.

– А чего ты ограничиваешь географию моего будущего замужества просторами родной страны? – возмутилась Соня.

Да-а... Соня посмотрела на часы и быстро стала набирать номер Люси. Уже поздно и надо сегодня отпроситься у мамы на завтра. Судя по маминому голосу, наступило полное затишье, все довольны, поэтому – ладно, пусть Соня развеется.

Ночью приснился странный мужчина, который ехал по тайге на скорой помощи и орал: Откуда в жопе алмазы?

Глава 4

Макс хлопнул об стол чашку с недопитым кофе. Чашка с готовностью плюнула в ответ брызгами. Попало и на джинсы, и на свитер. Утро удалось. А у Соньки не отвечал ни мобильный, ни городской. Хотелось как в кино: вызвать помощника и бросить сквозь зубы: чтобы была через два часа здесь, и чтобы я знал, что она делала ночью. Почему-то Макс был уверен, что ночь выдалась непростая, но ничего страшного с ней не случилось.

После того, как вчера на их столик доставили бутылку коньяка, причем точно того, какой она любит, эта бестия вышла на секундочку позвонить домой и... Исчезла. Спустя два часа прислала Кате смс-ку «Все в порядке. Извините. Позвоню сама»... Потом позвонила Кате и быстро протараторила, что сказала маме – ночует у нас, уже поздно и все пьяные... Поэтому если мама будет звонить, надо ей шлепнуть «смс-ку»...

На поющем мобильном высветился номер Алексея. Макс вздохнул. А ведь они с Сонькой явно запали друг на друга. И так все могло быть здорово... И салатиков могли бы поесть... И ведь Сонька согласилась же на ужин, и у Катки про Алексея сама расспрашивала. Эта ее хроническая непредсказуемость! И с Каткой у них какая-то странная дружба. Жена только плечами пожимала: Мало ли что? Захочет – потом расскажет...

– Да, дорогой, рад тебя слышать... – Макс стряхнул с себя лишние эмоции и решил молчать на щекотливую тему.

– Макс, не напрягайся... Может, это просто умный женский трюк – хотела сразу вызвать интерес.

– Вот, я тоже так и подумал, – обрадовался Макс.

– Ведь ей бы это удалось вполне... Я бы даже в удовольствии ей бы помог, если бы что случилось... Хотя мужик, к которому она в машину села, сам кому хочешь поможет... Если захочет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.